Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Потомство до сих пор не произнесло над памятью Марии Стюарт решительного своего приговора, потому что число обвиняющих и оправдывающих одинаково, а страдальческая смерть подсудимой, обиды, оскорбления, клевета и девятнадцать лет заточения – слишком уважительные, смягчающие вину обстоятельства, чтобы не принять их во внимание. Марию Стюарт можно назвать перед судом истории «оставленной в подозрении», покуда случайная находка каких-либо, еще неведомых, документов не озарит светом истины личность последней шотландской королевы, если не омрачит ее памяти окончательно.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8

Кондратий Петрович Биркин
Мария Стюарт, королева шотландская

Петр Шателар. – Генрих Дэрнлей. – Давид Риццио. – Граф Босуэлл (1560–1587)

С именем каждого из двух фаворитов и двух мужей Марии Стюарт сопряжена страшная кровавая драма, в которой шотландская королева играла роль таинственную, двусмысленную и доныне еще не разгаданную. Потомство до сих пор не произнесло над памятью Марии Стюарт решительного своего приговора, потому что число обвиняющих и оправдывающих одинаково, а страдальческая смерть подсудимой, обиды, оскорбления, клевета и девятнадцать лет заточения – слишком уважительные, смягчающие вину обстоятельства, чтобы не принять их во внимание. Марию Стюарт можно назвать перед судом истории «оставленной в подозрении», покуда случайная находка каких-либо, еще неведомых, документов не озарит светом истины личность последней шотландской королевы, если не омрачит ее памяти окончательно. До тех пор, повторяем, Мария Стюарт остается *в подозрении,* на поруках у поэтов и романистов.

Детство, отрочество Марии, пребывание ее во Франции и замужество с дофином Франциском II нам уже известны (см. выше). Овдовев на девятнадцатом году жизни, она, притесняемая Екатериной Медичи, удалилась от двора и переселилась в Реймс к тамошнему архиепископу, дяде своему Карлу Гизу, кардиналу Лотарингскому, где провела восемь месяцев, с декабря 1560 по август 1561 года. О том, как себя вела молодая вдова в этот кратковременный период, существует два противоречивых предания. Одно говорит, что она оставалась верной памяти покойного мужа, оплакивала его неутешно, выражая свою скорбь стихотворениями, дошедшими до нас и обличающими в Марии истинное поэтическое дарование; по другим преданиям, вдовствующая королева очень скоро утешилась, и образ жизни ее в Реймсе был самый предосудительный, чтобы не сказать, скандалезный… Оба предания, как две крайности, не заслуживают веры, и потому всего справедливее придерживаться мнения среднего: безутешная скорбь девятнадцатилетней красавицы по умершем муже, с которым она не прожила и двух

лет, явление ненормальное, но если бы оно так было, то едва ли Мария была бы в состоянии писать в это время стихи, слагая свои стенания в рифмы и, так сказать, нанизывая в узоры свои слезы. Вероятнее всего, что Мария скоро утешилась; но из этого опять еще не следует, чтобы она впала в распутство. Действительно ли сын коннетабля Монморанси, красавец Данвилль, или сумасброд Шателар пользовались тогда ее благосклонностью?… И на этот щекотливый вопрос трудно ответить утвердительно, хотя и смешно было бы требовать от молодой, страстной женщины верности мужу-мертвецу, и при жизни-то не заслуживавшему особенной привязанности. Красота Данвилля, блестящий ум, любезность, вероятно, вытеснили из сердца королевы призрак жалкого идиота Франциска II, но отношения молодых людей ограничивались со стороны Марии только кокетством, столь свойственным каждой, даже и не хорошенькой, женщине, а Мария Стюарт была красавица.

Вскоре по прибытии последней в Реймс Елизавета, королева английская, требовала от Марии через своего посланника Николая Трогмортона (Throgmorton) ратификации Эдинбургского договора 1559 года, в силу которого королева шотландская обязывалась отказаться от всяких притязаний на короны Англии и Ирландии, то есть, другими словами, от всякой мысли наследовать престол английский в случае кончины одинокой *девственницы* Елизаветы. На это требование последней Мария отвечала отказом, ссылаясь на то, что договор был заключен без ее согласия; к этому она присовокупила, что после кончины Франциска II она выключила из своего герба герб Англии, тогда как Елизавета продолжает без всякого на то права титуловаться королевой Англии, Ирландии и *Франции.* К этому заметим, что после кончины Марии

Лотарингской, матери Марии Стюарт, наместником Шотландии по распоряжению Елизаветы был назначен Яков, граф Меррей (Murray), побочный сын покойного короля Якова V, ненавистник Марии и клеврет королевы английской.

Посовещавшись с Гизами, по их совету вдова Франциска II решилась ехать в свое королевство, для чего и требовала от Елизаветы беспрепятственного пропуска через ее владения, на что королева английская отвечала отказом к тайной радости своей державной соперницы. Полюбив всеми силами своей юной, нежной души Францию, свою вторую родину, Мария готова была пожертвовать не только своей шотландской короной, но тремя коронами Соединенного Великобританского королевства, лишь бы не покидать возлюбленную страну, мирно жить и умереть в ней в кругу друзей, родных. Не того мнения была неумолимая

политика, повелевавшая Марии неотлагательно ехать в свое королевство, раздражая ее честолюбие, обольщая в будущем обаятельными миражами власти, величия, даже, может быть, благоденствия подданных. Кардинал Лотарингский, как будто предчувствуя страшную участь, готовившуюся его племяннице, напоминал ей об опасностях предполагаемого пути: королева английская могла захватить Марию в плен на водах Ла-Манша или на суше во время ее высадки на берега Шотландии. Самая эта опасность, придававшая романтический колорит путешествию королевы шотландской, казалась ей особенно привлекательной. «Едучи во Францию, – отвечала она своему дяде, – я увернулась от брата (Эдуарда VI); теперь, возвращаясь в Шотландию, сумею увернуться и от его сестры!»

Начались приготовления к отъезду. В числе спутников Марии, кроме четырех ее тезок, Сары Флеминг-Левистон и немногих верных служителей, находились Данвилль, пользовавшийся более или менее заслуженной репутацией фаворита королевы, и Шателар, ее отчаянный, сумасбродный обожатель. Тот же кардинал Лотарингский советовал Марии не брать с собой всех драгоценностей, предлагая ей переслать их в Шотландию после, вслед за ее благополучным туда прибытием.

– Дядюшка, – возразила ему на это Мария, – стоит ли думать о безопасности моих драгоценностей, когда я жизнь мою ставлю на карту?

15 августа 1561 года, несмотря на страшное ненастье, Мария со всеми своими спутниками села на корабль в Кале. В ту самую минуту, когда она всходила на палубу, в нескольких верстах от берега тонул какой-то корабль, пушечными выстрелами тщетно взывавший о помощи и вскоре скрывшийся в морских пучинах, над которыми клубились и пенились громадные ревущие валы.

– Дурное предзнаменование! – невольно прошептала Мария окружающим.

Загремели цепи поднимаемых якорей, пронзительно заскрипели блоки парусов, раздались свистки матросов, отрывистые возгласы команды, и звукам этим вторили стоны и завывание бури. Стоя лицом к берегу Франции, Мария до тех пор не спускала с него заплаканных глаз, покуда его не скрыла от них пелена проливного дождя. К вечеру непогода унялась, но ветер переменился, и корабль был принужден лавировать. Напоминая спутникам о времени идти ко сну, Мария приказала постлать себе постель на палубе под импровизированным шатром из запасных парусов; при том настроении духа, в котором она находилась, каюта казалась ей гробом. Во всю ночь королева шотландская не сомкнула и не осушила глаз, при первых же лучах солнца, будто

кровью обрызнувших клочья туч, быстро мчавшихся по лазури, Мария вышла из-под своего намета и задумчиво вперила глаза на узкую полосу земли, резко отделявшуюся от седых валов на горизонте… То были берега Франции, от которых корабль еще не отдалился настолько, чтобы вовсе потерять их из виду… Над кораблем, сверкая крыльями, парили чайки, и их унылые крики казались Марии воплями друзей, покинутых ею, но вспоминающих, может быть, даже плачущих о ней. Тогда вдохновение на несколько минут посетило скорбящую путницу и холодной дрожащей рукой она набросала на клочке бумаги следующие строки:

Adieu plaisant pays de France
O, ma patrie La plus cherie
Qui a nourri ma jeune enfance…
Adieu, France, adieu mes beaux jours!
La nef, qui disjoint nos amours,
N'a eu de moi que la moitie…
Une part te reste; eLLe est tienne
Je La fie a ton amitie
Pour que de L'autre eLLe te souvienne![1]

Плавание продолжалось пять дней, затрудненное бурей и английскими крейсерами, высланными королевой для поимки Марии Стюарт. Благодаря туману, благополучно миновав последних, корабль едва не разбился о подводные скалы при входе в Фороский залив и, наконец, бросил якорь в Лите (Leith). После двенадцатилетнего отсутствия Марии Стюарт родовое ее наследие, королевство шотландское, показалось ей чужбиной, а явное негодование подданных и их враждебные демонстрации доказали ей, что она навсегда утратила права на народную любовь. Главной причиной неприязненных отношений народа к своей королеве было различие их вероисповеданий: протестанты не желали признать над собой власть католички или, как тогда называли Марию Стюарт, *идолопоклонницы.* За несколько страниц перед этим мы рассказывали читателю о неистовстве фанатиков католической Франции и о кровавых гонениях на протестантов; в протестантской Шотландии при прибытии в нее Марии Стюарт происходило то же самое, с той разницей, что здесь протестанты гнали, преследовали и истязали католиков. Проповедник Нокс (Knox) громил с высоты своей кафедры римскую церковь и вместо приветственной речи встретил Марию Стюарт изданием в свет жестокого памфлета «Первый звук трубный против чудовищного управления царств женщинами», в котором называл королеву

шотландскую *новой Иезавелью.* Ровно через неделю после приезда в свое королевство Мария Стюарт пожелала отслужить в дворцовой часовне благодарственное молебствие по чину римско-католической церкви, яростный народ прервал богослужение и едва не умертвил королевского духовника… При торжественном въезде Марии в Эдинбург меньшинство безмолвствовало, большинство же народной массы вопило: «Долой католичку!.. Долой идолопоклонницу!..» Вместо цветочных гирлянд, ковров и флагов стены домов на тех улицах, по которым двигалось шествие, были украшены картинами религиозного содержания, изображавшими в лицах все библейские сказания о Божьей каре, постигавшей нечестивых царей-язычников от Навуходоносора до Антиоха сирийского.

– Это начало, – говорила Мария со слезами на глазах. – Какого же конца ожидать мне?

При всем том у нее не хватало духу мстить обидчикам, и единственным своим орудием королева избрала кротость. Желая доказать суровому Ноксу, что она нимало не оскорблена его ядовитым памфлетом, Мария пригласила фанатика во дворец к обеденному столу; Нокс отказался. «Приходите лучше в церковь послушать мои проповеди, если желаете обратиться на путь истинный!» – отвечал этот юродствовавший оригинал, копиями которого можно назвать пуритан, через восемьдесят восемь лет возведших на эшафот внука Марии Стюарт, Карла I. Впрочем, Нокс обещал повиноваться королеве, по собственному его признанию, «точно так же, как святой апостол Павел повиновался Нерону». Уподобляя королеву этому чудовищу, Нокс воображал сам себя чуть ли не действительно святым апостолом. Передавая в своих записках эти выходки и хвалясь ими, как подвигами, он вменяет себе в особенную заслугу то, что его беседы неоднократно доводили королеву до слез. Этими слезами Мария Стюарт искупала злодейства своих единоверцев на европейском континенте и ту невинную кровь, которую они проливали в угоду римскому двору… И единственный ли это пример в истории страданий правого за виновных?

Независимо от подстрекательства народной злобы и фанатизма проповедниками, подобными Ноксу, правитель королевства граф Меррей и государственный секретарь Мэйтленд, рабы

Елизаветы, распускали в народе слухи, самые оскорбительные для чести Марии Стюарт, обвиняя ее в преступной связи с Дан-виллем, сопровождавшим ее в Шотландию. Эти слухи принудили наконец Данвилля возвратиться во Францию; примеру его, скрепя сердце,

последовал Шателар, из любви к королеве шотландской покинувший родину. Любовь эта, воспылавшая в сердце бедняка при первом же взгляде на Марию Стюарт в день ее бракосочетания с Франциском II, покуда была самая платоническая и выражалась единственно нежными стихотворениями, сладкими до приторности, плодами вдохновения влюбленного поэта. Судя по отзывам современников, Петр де Боскозель Шателар (внук славного Баярда) был сам похож на рыцаря… *Печального Образа.* Восторженный до сумасбродства, влюбчивый, отважный и вместе с тем рыцарски-благородный, он по примеру паладинов избрал себе девизом слова: «Бог, родина и дама моего сердца». Мария Стюарт, для которой любовь Шателара не была тайной, из жалости удостоивала этого обожателя своей ласки, терпеливо выслушивала его стихотворения, немножко кокетничала с ним, тайком смеясь над безумцем со своими фрейлинами… Но ничем не подавала ему повода тешиться несбыточными надеждами.

Отъезд французских друзей, выжитых клеветниками Марии Стюарт из Шотландии, был тем приятнее Елизавете, что теперь ненавистная ей королева шотландская осталась вполне беззащитной, во власти Меррея и Мэйтленда. Не пренебрегая никакими средствами для унижения и пагубы Марии, коварная Елизавета внешне поддерживала с ней самые дружеские, приязненные отношения, называя Марию в своих письмах к ней «доброй, возлюбленной сестрицей», и, искусная в политике, тем успешнее вела свою жертву к несомненной гибели. Детски-простодушная Мария доверялась Елизавете, совещалась с ней о государственных делах и следовала советам злодейки – советам предательским и опасным. Ненависть Елизаветы к Марии Стюарт, независимо от какой-то естественной антипатии, была следствием зависти и ревности, доходивших до смешного. Узнав, что королева шотландская пишет стихи, Елизавета тоже ударилась в поэзию и кропала вирши, восхищаться которыми могли разве только льстецы из ее дворцовой лакейской. Мария Стюарт прекрасно играла на лютне и клавесине, Елизавета, в свою очередь, считала себя отличной музыкантшей. Ничем иным нельзя было ее так порадовать, как браня Марию или критически относясь к ее безукоризненной красоте. Когда Мельвиль, посланник королевы шотландской, представлялся Елизавете, она спросила его с притворной небрежностью и без всякого такта: «Скажите мне, кто лучше из обеих нас: я или ваша государыня?» – «Моя государыня, – отвечал Мельвиль, – первая красавица в Шотландии, точно так же, как ваше величество – в Англии». Видимо довольная ответом, Елизавета заметила, что Мария

Стюарт ниже ее ростом. «Никак нет, – возразил Мельвиль, – она несколько повыше вас…» – «О, в таком случае она уже слишком высока!» – засмеялась королева, утешаясь этим мнимым преимуществом над своей державной соперницей. Можно сказать без малейшего преувеличения, что, если бы природа оделила Елизавету красотой Марии Стюарт, а последнюю некрасивой наружностью Елизаветы, она, конечно, не погибла бы на эшафоте. Всякая ненависть может быть примирима, кроме ненависти женщины безобразной к красавице или глупца к умному человеку. Не столько соображения политические, сколько боязнь стать лицом к лицу с Марией Стюарт побуждала Елизавету всячески уклоняться от свидания с ней.

По возвращении во Францию бедный Шателар почувствовал тоску невыразимую по своей ненаглядной королеве и окончательно потерял голову. Нимало не задумываясь над неприличием вторичного своего появления в Шотландии, Шателар; запасшись рекомендательными письмами от коннетабля Монморанси, пустился в путь и через неделю преклонил колено пред Марией в приемной зале замка Голируд. Для королевы каждый приезжий из Франции был дорогим гостем, а потому и неудивительно, что она приняла Шателара с самым дружеским радушием. Этот прием показался влюбленному несомненным знаком взаимности, и Шателар из прежнего скромного воздыхателя вдруг сделался дерзким и предприимчивым. Отложив на время поэзию с ее сонетами, эклогами и мадригалами, поэт предался более прозаическим замыслам и на первый случай отважился поздним вечером забраться в спальню королевы. Более огорченная, нежели обиженная этой дерзостью, Мария Стюарт приняла во внимание молодость сумасброда и простила ему это увлечение, которое, несмотря на неудачу, могло набросить весьма неблаговидную тень на ее репутацию.

Шателар, глубоко тронутый великодушием королевы, дал ей честное слово сдерживать свою любовь в пределах благоразумия и, действительно, несколько времени был скромен, почтителен и преодолевал свою страсть, насколько у него хватало силы воли; силы же этой хватило весьма ненадолго. Шате-лар не искал случая увидеться с королевой наедине – случай этот, по роковому предопределению, представился сам. Зимой 1563 года он вместе с придворными Марии Стюарт сопровождал ее в северные области королевства. На ночлеге в местечке Бернт-Айленд, пользуясь благоприятной обстановкой, Шателар опять спрятался за альковом спальни королевы, за несколько минут до ее прихода… На этот раз безумцу, невидимо присутствовавшему при ночном

туалете своего кумира, удалось видеть Марию Стюарт во всем блеске ее обаятельной красоты, чуть не в том виде, в котором Венера появилась из пены морской… Мог ли в эту минуту двадцатипятилетний, воспаленный страстью Шателар помнить данное королеве честное слово, мог ли сознавать, на что он решается? Позабыв весь мир, видя перед собой только прелестнейшую, обожаемую женщину, он бросился к ее ложу и разбудил спавшую бешеными лобзаниями. На отчаянный крик Марии Стюарт к ней прибежали прислужницы и ее демон Меррей, для которого настоящий случай был истинным торжеством, так как подавал едва ли не основательный повод к бесславию Марии… Она, сгорая от стыда, не вымолвила ни слова в защиту Шателара, да и что могла бы сказать королева в его защиту? Она могла простить преступнику его вторичное покушение как женщина, но как королева была обязана отдать его в руки правосудия. Шателара увели под стражей; Меррей назначил особую следственную комиссию для обсуждения этого темного и скандалезного дела. Опомнившийся Шателар на всех допросах остался верен своей роли рыцаря-паладина, готового сложить голову за даму своего сердца; он не только не оговорил королеву, но, чтобы выгородить ее, наговорил на себя много лишнего. Основываясь на его показаниях, судьи готовы были признать его не за влюбленного, увлекшегося страстью, но за злодея, умышлявшего на жизнь королевы… Обвиненный и уличенный в оскорблении величества, Петр Шателар был приговорен к смертной казни. Внук рыцаря *без страха и упрека* доказал несомненную законность своего происхождения, до последней минуты сохраняя невозмутимое присутствие духа. Перед казнью он декламировал «Оду к смерти», сочинение Ронсара, а восходя на эшафот, воскликнул, обращаясь к Марии:

– Прости, прекраснейшая и жесточайшая из всех государынь в мире!

Казнь Шателара дала новую работу языкам клеветников и не менее ядовитым и продажным перьям памфлетистов. Тем и другим не стоило большого труда уверить подданных Марии Стюарт, будто Шателар, ее любовник, пал жертвой ее предательства, и из уст в уста ходила молва о том, как королева, сама назначив свидание бедному молодому человеку, призвала своих служителей и безжалостно выдала им Шателара как преступника, а потом возвела его на эшафот. Королева-девственница Елизавета, в то время бывшая в весьма интимных отношениях с Робертом Дадлеем (DudLey), графом Лейчестером, была жестоко возмущена мнимым коварством и, как она выражалась, распутством королевы шотландской. Возмущаясь в

кругу приближенных и вместе со своим фаворитом злословя на Марию, английская королева писала ей в ответ на уведомление о покушении Шателара самое милое, дружественное письмо с выражением душевного сочувствия этой неприятности и с присовокуплением совета подумать о замужестве. Совет этот был вполне основателен, так как и сама Мария Стюарт на двадцать первом году от рождения не располагала обречь себя на вдовство и одиночество. Простирая свою любезность и внимательность к Марии до крайнего предела, Елизавета взяла на себя даже роль свахи, предложив в мужья королеве шотландской того же графа Лейчестера, своего фаворита. В то же время, желая смягчить этот жестокий удар самолюбию молодой вдовы-красавицы, Елизавета предложила Марии Стюарт признать ее своей наследницей. Усложненный этот вопрос королева шотландская передала на обсуждение своего дяди, кардинала Лотарингского, и по его совету отвергла предложение Елизаветы… Вместо пути примирения обеих королев, хотя грязного и позорного, теперь между ними образовалась непроходимая бездна. Елизавета, недавняя сваха, в отплату Марии за ее отказ стала всячески интриговать, и весьма успешно, для расстройства предполагаемого брака и отдаления искателей руки шотландской королевы. Ей удалось отклонить от сватовства за Марию эрцгерцога австрийского Карла, сына императора Фердинанда. Испанский король Филипп II имел намерение женить на Марии своего сына, инфанта дона Карлоса, но передумал из-за происков Елизаветы. От предложения ей в супруги Антуана Бурбона, короля наваррского, королева шотландская отказалась сама по той причине, что не имела желания идти замуж за человека, разведенного с первой женой.[2]

В этот самый 1564 год в Шотландию с блестящей свитой прибыл граф Моретти (Moretti), сардинский посланник. В числе его спутников был некто Давид Рицциo (или Риччио, как его называют в некоторых хрониках), человек уже немолодой, некрасивый собой, горбатый, но умный, ловкий, отлично образованный, превосходный композитор, певец и игрок на лютне. Таланты и богатые способности Рицциo обратили на него особенное внимание Марии Стюарт, которая предложила ему место придворного капельмейстера, им с благодарностью принятое. В короткое время итальянец сумел до такой степени заслужить расположение королевы, что она пожаловала его в свои статс-секретари по части дипломатических сношений с Францией. В часы, свободные от занятий, Рицциo занимал свою государыню любопытными и остроумными рассказами о своей далекой родине, играл на лютне, пел… словом, был настоящей

душой придворного общества и небольшого кружка приближенных королевы. Мария привыкла к нему, полюбила его, хотя и вовсе не в том смысле, как тогда говорили при дворе Елизаветы, где, не теряя времени, объявили Рицциo фаворитом Марии Стюарт. Остановимся на минуту на этом странном обвинении, фактически не опровергнутом и основанном более всего на догадках и предположениях. Некрасивый и немоло-дой, но умный и талантливый человек может, без сомнения, увлечь и обольстить молодую красавицу, всего чаще невинную и неопытную.

Самый разительный пример этому видим в Мазепе и его крестнице Матрене (у поэтов – Марии) Кочубей. Явление, бесспорно, безобразное, но возможное. Предполагая в Давиде Рицциo ум, любезность, увлекательность, способные заставить собеседников или, правильнее, собеседницу забыть о его безобразии, мы не можем, однако, допустить в Марии Стюарт, женщине опытной, умной и образованной, увлечение, на которое может быть способна только неопытная девочка. Несомненно, что Рицциo был влюблен в Марию, но из этого еще не следует, чтобы она, первая красавица своего времени, за которую тогда сватались короли, наследники престолов, чтобы она, говорим мы, бросилась в объятия заезжего чужеземца, искателя приключений. Марию Стюарт враги ее обвиняли в связи с Данвиллем и Шателаром; допустим эти связи, которым главным оправданием может служить то, что Данвилль и Шателар, оба были молодые, красавцы, а последний вдобавок еще и поэт, пылкий, восторженный юноша. Если же отношения Марии к Данвиллю и Ша-телару были безгрешны, тем более кажется невероятной, даже неестественной ее связь с Давидом Рицциo. Если ее не могли пленить красавцы, мог ли очаровать ее уродец? Таковы умозаключения, к которым приходишь, рассматривая этот вопрос с логической точки зрения; но… но главное затруднение в том, что в делах любви логика и здравый смысл не всегда руководят поступками женщины, и нередко случается, что молодая красавица влюбляется в урода, как говорится, ради прихоти или разнообразия, именно потому, что это урод. Мария Стюарт жила триста лет тому назад, но, дочь своего века, это была женщина со всеми слабостями, свойственными и женщине современной… Шекспир, великий знаток сердца человеческого вообще, женского в особенности, представил нам в своей прелестной шутке «Сон в летнюю ночь» красавицу *Титанию,* страстно обнимающую осла, *Основу.* Неотесанный неуч с ослиной головой кажется ей первейшим красавцем в мире. Что, если подобные же минуты бывали и с Марией Стюарт во время фаворитизма Рицциo, не

неуча, не невежды, но умного, талантливого, образованного и только безобразного?

На этот вопрос, прислушавшись к собственному своему сердцу, может дать ответ только женщина.

Многочисленные враги Марии Стюарт, не зная меры своему злословию, объявили, будто выход ее замуж за Генриха Стюарта Дэрнлея (Darnley) был необходим для скрытия неизбежных последствий ее связи с Давидом Риццио, будто Яков Стюарт был сыном этого музыканта, а не Генриха Дэрнлея. Эта обидная генеалогия Якова, наследовавшего английский престол после Елизаветы, впоследствии подала повод Генриху IV, королю французскому, к шутке не совсем приличной, но не лишенной остроумия. «С какой это стати, – сказал он как-то, – короля Якова называют в Англии вторым Соломоном? Одним только на Соломона и похож, что отца его звали Давидом, который, подобно царю-псалмопевцу, отлично играл на арфе!»

Генрих Стюарт Дэрнлей, на которого пал выбор королевы шотландской, был сыном графа Леннокса и Маргариты, сестры короля Генриха VIII. Красавец собой, но с душой низкой, коварной, способный на всякое злодейство, он был тремя годами моложе Марии Стюарт и доводился ей двоюродным братом. При первом известии о предполагаемом бракосочетании шотландской королевы Елизавета приказала заточить старого графа Леннокса в Тауэр вместе с его младшим сыном и конфисковала их имущество. Это бедствие, постигшее семейство Дэрнлея, не изменило намерения Марии Стюарт, отпраздновавшей свадьбу свою 29 июля 1565 года и вознаградившей своего мужа за потерю имущества титулом короля.

Риццио, зная низкий характер Дэрнлея и предвидя, что он, сделавшись королем, не будет довольствоваться одним титулом, а захочет быть королем на самом деле, безуспешно старался отклонить Марию от подарка короны своему мужу. Кроме того, итальянцем руководила еще эгоистическая мысль сохранить за собой место секретаря и советника Марии и отстранить от всякого вмешательства в государственные дела любимцев Генриха Дэрнлея. Последний, до сведения которого было доведено о происках Риццио, возненавидел его, а дерзость и высокомерие, с которыми итальянец критиковал придворных, навлекли на него и с их стороны непримиримую ненависть.[3] Первые пять месяцев супружества прошли для Марии Стюарт в непрерывных тревогах и беспокойстве по случаю возмущения, имевшего целью низвержение ее вместе с мужем с престола. Меррей, поставивший себе целью всей жизни всячески вредить Марии и, если возможно, погубить ее, был главой восстания.

Королева поручила своему мужу силой оружия смирить мятежников, но на это у него не хватило ни способностей, ни решимости; сама Мария принуждена была сесть на коня и с мечом в руках предводительствовать преданными ей войсками. Мятежники были разбиты наголову и отброшены к английской границе, за которой скрылся их предводитель Меррей. В начале 1566 года, благодаря энергии и разумной распорядительности Марии, спокойствие в государстве было водворено, и королева вместе со своим мужем переехала в Голируд. Здесь-то, в стенах этого дворца, уцелевшего до нашего времени, разыгралась та страшная драма, рассказ о которой передаем читателям из подлинных писем Марии Стюарт к архиепископу Глазго, своему посланнику в Париже.

Мария Стюарт, больная и на седьмом месяце беременности, 9 марта 1566 года, часу в одиннадцатом вечера ужинала в своем кабинете, рядом со спальней. За столом вместе с королевой сидели фрейлины и Рицциo, камер-лакеи прислуживали. В конце ужина в комнату вошел Дэрнлей и разместился рядом с королевой, вслед за ним на пороге потайной двери, в полумраке, явилась свирепая фигура лорда Рутвена (Ruthwen). Не обращая внимания ни на королеву, ни на короля, Рутвен повелительным тоном приказал Рицциo встать из-за стола и идти за собой.

– Вы приказали Рутвену прийти сюда? – спросила Мария у мужа.

– Нет, – отвечал тот, усаживаясь поглубже в кресло.

Королева приказала лорду выйти вон, но этот палач вместо того бросился на Рицциo, который, вскочив со своего места, спрятался за кресло Марии. Рутвен, опрокинув стол, перегнулся через плечи королевы и ударил итальянца кинжалом, потом, схватив за ворот, поволок его в кабинет, куда прибежали прочие убийцы, сообщники Рутвена. Одному из них Дэрнлей подал собственную шпагу, и через несколько минут вместо Рицциo на полу королевского кабинета лежал труп, покрытый пятьюдесятью шестью ранами… Рутвен, обрызганный кровью, сверкая глазами, крикнул королеве, что смерть музыканта – мщение ей за ее тиранства и привязанность к католицизму. За убийцами ушел Дэрнлей, видимо довольный; фрейлины и прислужники разбежались, и всю ночь Мария Стюарт провела, окованная ужасом, в креслах рядом с комнатой, на полу которой лежал изувеченный труп Рицциo.

На другой день в Эдинбург вступили отряды мятежников, предводимые Мерреем, и королева с мужем бежала в замок Дунбар, куда последовали за нею преданные ей вельможи. Народ не присоединился к мятежникам, как они рассчитывали,

несмотря на старание их сообщника Рутвена. Изъявив покорность королеве, злодеи удалились в Англию, а Мария со всем двором возвратилась в Эдинбург, где 19 июня разрешилась от бремени сыном Яковом. Страшное впечатление, произведенное на Марию Стюарт видом обнаженных мечей в ночь убиения Риччио, отразилось впоследствии на характере короля Якова, который, как известно, при виде обнаженного оружия падал в обморок. Бешенству Меррея, графа Лейчестера и Елизаветы при известии о рождении сына у королевы шотландской не было границ. В королеве английской – независимо от досады – говорила зависть, свойственная женщине, навеки лишенной отрады быть матерью. [4] «Она – мать, – говорила Елизавета, – а я одинокая, как дерево бесплодное!» Зависть и злоба не помешали ей, однако же, написать к Марии Стюарт любезное поздравительное письмо и предложить ей быть восприемницей новорожденному. Меррей, менее скрытный, преследовал супруга королевы самыми оскорбительными нападками и довел наконец Генриха Дэрнлея до того, что тот требовал от жены немедленного изгнания неугомонного негодяя… Невзирая на очевидность черноты души своего побочного братца, королева шотландская его щадила, стараясь примирить с ним своего недостойного мужа; именно недостойного, потому что в это самое время Дэрнлей, отшатнувшись от жены, проводил все дни в распутствах и пьянстве. Обряд крещения принца Якова в замке Стирлинг был причиной новых столкновений протестантов с католиками. Меррей с шайкой своих разбойников, издеваясь над обрядами католической церкви, объявил, что не намерен присутствовать в языческом храме, как он называл королевскую часовню. Графиня Эрджиль, заменявшая Елизавету при восприятии младенца от купели, была по решению англиканской консистории приговорена к торжественному покаянию… Все эти обиды болезненно отозвались в сердце Марии Стюарт, и, по целым дням заливаясь слезами, она молила Бога о единственной милости – скорейшей смерти. Даже чувства матери, впервые ею испытываемые, не могли утолить скорби несчастной женщины, разочарованной в жизни, в людях, в собственных своих чувствах; она увидела и поняла, что окружена злодеями, предателями и неблагодарными. Тот, от которого она вправе была ожидать слова сочувствия и утешения, Дэрнлей уехал к своему отцу, графу Ленноксу, в Глазго, где вскоре по прибытии заболел оспой. Послушная первому побуждению своего доброго сердца, Мария Стюарт решилась было ехать к мужу, но потом, ввиду опасности заразы не лично для себя, но для сына, отказалась от этого намерения и осталась в Эдинбурге. Желая, однако же, облегчить

страдания больного, Мария послала к нему в Глазго докторов и прислужников; первые исправно доносили ей о ходе болезни, за которой она следила с непритворным участием. Когда опасность миновала и Дэрнлей стал поправляться, Мария, не обращая внимания на лютую зимнюю стужу и глубокие снега, отправилась к мужу верхом, сделав пятьдесят миль по трудным и опасным дорогам. Прибыв в Глазго, она распорядилась приготовлением уютного крытого экипажа для перевозки в Голируд выздоравливавшего мужа, но поместила его не во дворце, а в особом доме, принадлежавшем старшине коллегии св. Марии, где окружила Дэрнлея всевозможными удобствами и ежедневно его навещала. Вечером 9 февраля 1567 года она довольно долго беседовала с мужем, была как-то особенно ласкова, внимательна, а при прощании крепко поцеловала и надела ему на палец драгоценный перстень. На просьбу Дэрнлея посидеть у него еще подольше Мария отвечала, что спешит во дворец на свадьбу одной из своих фрейлин. Супруги расстались…

Часу во втором ночи, в той части города, где находился дом, в котором помещался Дэрнлей, раздался оглушительный взрыв, яркое зарево, стремительные клубы дыма и яркого пламени сверкнули на сумрачном небе. Горожане и посланные из дворца поспешили на место катастрофы и нашли груду дымящихся развалин. Жилище супруга королевы взлетело на воздух; опаленные взрывом трупы Дэрнлея и верного его слуги были найдены в саду с несомненными признаками удушения. Чьих рук могло быть это кровавое дело? Мария Стюарт обвиняла Меррея, который вместо всякого оправдания бежал во Францию; отец Дэрнлея, граф Леннокс, Елизавета, а с ними и большинство народа обвиняли Марию! На этот раз все ее поступки, предшествовавшие убийству Дэрнлея, были действительно двусмысленны и загадочны. Зачем она по прибытии с мужем из Глазго не поместила его во дворце, а в отдельном доме; чему приписать особенную нежность и ласки, высказанные королевой своему мужу за несколько часов до его страшной смерти; с какой целью был ему подарен перстень, если не для того, чтобы по нему узнать труп, даже обезображенный? Наконец, каким образом под самый тот дом, который Мария наняла для мужа, был подведен подкоп? Вот вопросы, на которые позднейшее потомство ждет и еще, может быть, будет долго ждать ответов. Не можем не указать еще на одно весьма странное обстоятельство, на исторический факт, через тридцать девять лет (1606) занесенный на страницы истории Англии. Говорим о *пороховом заговоре* против Якова I, сына Марии Стюарт, которому Кэтсби с сообщниками готовил ту же самую участь, которой подвергся Дэрнлей. Подражали

заговорщики 1606 года убийцам мужа Марии Стюарт или между ними находился кто-нибудь из прежних заговорщиков?

В последний год супружества Марии Стюарт, ознаменованный домашними несогласиями, изменой и предательством ее мужа, характер королевы шотландской заметно изменился к худшему. Доныне мягкое, незлобливое ее сердце ожесточилось, озлобилось, и Мария Стюарт, конечно, могла решиться на преступление. Однако, всматриваясь во все подробности дела, мы видим странную смесь обдуманности закоснелого злодейства с ребяческой неопытностью и опрометчивостью. Зачем было Марии Стюарт, если действительно она убийца своего мужа, – зачем ей было прибегать к сообществу злодеев, подводить подкопы, чтобы взорвать на воздух вместе с домом трупы удавленных Дэрнлея и его слуги? Марии, ежедневно навещавшей мужа, легче, чем кому-нибудь другому, было умертвить его, не навлекая на себя ни малейшего подозрения, она могла подкупить доктора, навещавшего ее мужа, отравить его или просто уморить некстати данным лекарством. Она везла Дэрнлея пятьдесят миль, и во время этого пути, конечно, неоднократно представлялась возможность к убийству, которое самые подозрительные люди могли бы приписать простой случайности… Темное, загадочное дело! Еще один довод в пользу Марии Стюарт. Набожная до крайности, почти до фанатизма, королева шотландская в последнюю минуту жизни, у подножия эшафота, на пороге вечности, торжественно заявила о своей невиновности в убийстве Дэрнлея. Оправдываться, конечно, может и закоснелый убийца на суде при допросах, даже на эшафоте; в последнем случае именно в том преступлении, за которое его намереваются казнить. Это оправдание можно назвать последними вспышками угасающей надежды. Но Марию Стюарт казнили не за убийство мужа, и ее оправдания в этом преступлении не спасли бы ее головы. Зачем же Марии Стюарт было отягощать душу свою, предаваемую в руки Бога, лишним грехом – *ложью?*

Оставив сына своего в замке Стирлинг, Мария после убийства Дэрнлея на время удалилась в Эдинбург и несколько дней провела в отшельническом уединении. Это была ошибка непростительная, на которую злодеи королевы шотландской указывали как на несомненный знак ее соучастия в преступлении. Мария оплакивала мужа, молилась об упокоении его души, и эти слезы были названы слезами раскаяния, а отчуждение от общества людей – следствиями угрызения совести. Таково, впрочем, неизбежное положение каждого человека, заподозренного в преступлении: если он молчит, судьи говорят,

что он не находит даже слов для оправдания; если же обвиняемый кричит и заверяет в своей невиновности, те же судьи замечают, что она не нуждается в многословии. Из Эдинбурга Мария отправилась в Стирлинг для свидания с сыном, но во время пути на нее напало восемьсот вооруженных всадников, предводимых графом Босуэлом, звероподобным кальвинистом, личным врагом королевы. Захваченная в плен этим разбойником, она была привезена в его замок, где Босуэл предложил ей на выбор смерть или выход за него замуж; это было насилие, облекаемое в законную форму. Не столько страх смерти, сколько мысль о счастии сына побудила Марию отдать свою руку извергу, не без основания подозреваемому в убийстве Дэрнлея, после смерти которого не прошло еще и трех месяцев. Брак Марии был торжеством для Елизаветы и ее министров Элиса и Сесиля! Действительно, им ли было не торжествовать и не разглашать во все концы Европы, что королева шотландская отдала руку убийце своего мужа! Нужно ли иных доказательств тому, что убийство совершено по ее желанию? Мария Стюарт стала сказкой всей Европы; имя ее сделалось синонимом всех возможных бранных эпитетов, и не было государя, который бы не произносил это опозоренное имя без негодования. Нашелся ли бы тогда сумасброд на свете, который при виде женщины покоренного города, насилуемой пьяными солдатами, сказал, что она их любит, а между тем Мария Стюарт в объятиях Босуэла была не точно ли такая же несчастная жертва? Но что говорили о ней современники, что говорят потомки, что сказал Шиллер в своей бессмертной трагедии![5] Шотландцы, проклиная королеву, подняли знамя мятежа и осадили Марию и Босуэла в замке Борсуик. После отчаянной защиты Босуэл бежал на острова Оркадские, откуда пробрался в Норвегию; королева же, переодетая мальчиком, бежала в Дунбар, где и попала в плен к мятежникам. Меррей для пущего позора пленницы приказал везти ее в Эдинбург с торжеством, вполне достойным гнусного распорядителя. Марию посадили на лошадь, которую вели под уздцы при ругательствах нескольких тысяч народа и звуках музыки; впереди несли штандарт с нарисованными на нем изображениями трупа убитого Дэрнлея и полуторагодовалого короля Якова, стоящего на коленях с воздетыми к небу руками, будто взывая об отмщении. Штандарт несли так, чтобы он во все время шествия был перед глазами Марии. Несколько раз она лишалась чувств, отворачивалась, рыдала, умоляла о пощаде; от слез, смешанных с пылью, лицо ее было покрыто грязными пятнами, которые можно было принять за следы от комьев грязи, которые чернь кидала своей королеве вслед. После этого

поругания Марию заточили в замке Локлевен, где Меррей отдал ее под надзор своей матери Маргариты, дочери графа Ирскина (Erskine), бывшей любовницы Якова I.[6] Эта старая полоумная мегера, обходясь со своей пленницей как нельзя хуже, называла ее не иначе как незаконною похитительницею престола, в то же время величая себя супругою покойного ее отца, а сына своего, изверга Меррея, законным королем шотландским. Здесь же мятежники подали Марии для подписи два акта, которые она подписала, даже не читая. По первому она отрекалась от престола в пользу своего сына, малолетнего Якова VI, по второму утверждала правителем королевства графа Меррея. Все имущество бывшей королевы было разграблено, драгоценности и столовое серебро были от нее отняты; наконец, католические часовни при дворцах разрушены и осквернены. Одиннадцать месяцев провела королева в темнице, в течение которых Елизавета, чудовище лицемерия, писала ей письма, наполненные утешениями, выражениями соболезнования и приглашениями переселиться к ней в Англию. Освободителем несчастной узницы, к стыду совершеннолетних, явился пятнадцатилетний мальчик Уильям Дуглас. Он похитил Марию из темницы и привез в Гамильтон. Здесь на призыв королевы отозвалось до шести тысяч преданных ей смельчаков и поклялись ей отстаивать ее до последней капли крови. Несмотря на единодушие и храбрость, эта горстка воинов принуждена была уступить численности и была рассеяна Мерреем при первой же схватке с его войсками в Лэнгсайде.

Лишенная последней опоры, Мария была брошена на произвол судьбы, в безотрадном раздумье, куда ей бежать, где искать приюта, где преклонить свою развенчанную голову. Всего прежде она вспомнила о своей милой Франции, но там властвовала ее ненавистница Екатерина Медичи и бесхарактерный Карл IX; в северных областях Европы происходили волнения; в Германии Мария не могла рассчитывать ни на радушный прием, ни на содействие… Самыми существенными препятствиями к бегству королевы в чужие края были не столько ограниченные денежные ее средства, сколько отсутствие кораблей в ближайших портах. Находясь в Киркедбрайте, на границах английского королевства, Мария Стюарт на рыбачьей лодке переправилась через Сольвейский залив и 16 мая 1568 года высадилась в Уоркингтоне, в графстве Кумберленд. Она надеялась на великодушие Елизаветы, введенная в обман ласковым тоном писем, которыми удостаивала ее королева английская. Мария была встречена во владениях своей соперницы с подобающими почестями, и вслед за тем

местопребыванием ей назначен был город Кэрлиль, где к ее жилищу был приставлен вместо почетной стражи сильный караул. Отсюда изгнанница написала королеве английской трогательное письмо, в котором просила ее, как родственницу и добрую соседку, дозволить ей прибыть в Лондон. «Готова увидеть вас, – отвечала ей Елизавета, – но прежде всего вы должны оправдаться во всех возводимых на вас обвинениях!» Через несколько дней после того Марию, пленницу, по королевскому повелению перевезли в замок Больтон. Старый граф Леннокс подал Елизавете прошение о предании Марии Стюарт суду за убийство его сына; Меррей переслал статс-секретарю Семилю шкатулку с бумагами королевы шотландской, и в числе их *копии* с ее писем к Босуэлу и какие-то неблагопристойные, эротические стихотворения. На основании этих данных следственная комиссия, созванная в Йорке, не только не признала Марию виновной в убийстве мужа, но убедилась, что душой заговора был ее обвинитель Меррей. В этом смысле был составлен доклад Елизавете, которая, досадуя на судей, созвала в Вестминстере, у себя под боком, новую комиссию, составленную из людей менее добросовестных и более послушных ее распоряжениям. Меррей подал апелляцию на решение Йоркской комиссии и получил в виде вознаграждения пять тысяч фунтов стерлингов. Королева шотландская, со своей стороны, протестовала против неуважения ее прав и требовала себе депутатов из среды вельмож Шотландии. Дело усложнилось и затянулось. Желая ускорить развязку, Елизавета предложила Марии свое посредничество между ею и инсургентами, с тем чтобы она отреклась от престола. Мария отвечала, что она была и пребудет до последней минуты королевой шотландской. Ее упорство разжигало ярость и бешенство Елизаветы, которая, не довольствуясь душевными страданиями своей жертвы, присоединила к ним мучения физические, из опасения бегства или похищения перевозя Марию Стюарт из одной тюрьмы в другую. В конце года, невзирая на жестокую стужу, Марию перевезли в Тьюттбюри; оттуда – в замок Уинкфильд, где ее отдали под надзор лорда Шрюсбюри (Shrewsbury) и его жены. Лорду было дано секретное поручение: прикинувшись влюбленным в пленницу, вовлечь ее в интригу, а жене его – при удобном случае уличить Марию в распутстве. Кроме того, караульному офицеру Рольстону было повелено целомудренной королевой английской обольстить, если возможно, Марию Стюарт. Не знаем, верить ли безусловно словам бедной пленницы, но именно в это же время Мария послала Елизавете официальную жалобу на леди Шрюсбюри, покушавшуюся на отравление узницы.

Бедственная участь последней обратила на себя внимание человека доброго, благородного, задумавшего освободить Марию; человек этот был старый герцог Норфолк, не видавший ее в глаза, но искренне ей преданный. Наивернейшим путем для спасения Марии, по мнению герцога, могло быть ее замужество с ним и выход дочери его замуж за малолетнего короля Якова. Это кровосмесительное упрочение династии могло успокоить Шотландию и примирить враждовавших королев. Восхищенный этим планом, герцог Норфолк имел неблагоразумие сообщить о нем Меррею, этому холопу, шпиону Елизаветы. Верный себе самому, Меррей немедленно сделал донос, и Норфолк как государственный изменник был заточен в Тауэр. Этим предательством Меррей сослужил Елизавете свою последнюю службу; через месяц, 23 января 1569 года, в небольшом городке Линлит-сгоу (LinLithgow) он был застрелен Яковом Гамильтоном Ботсуэлло (Bothwellough) за то, что осмелился обесчестить его жену. Боясь наказания, Гамильтон бежал во Францию, куда прибыл именно во время кровавых распрей католиков и протестантов. Вожаки первой партии, не зная о настоящей причине убийства Меррея и предполагая, что Гамильтоном руководил фанатизм, привлекли его на свою сторону и предложили точно так же умертвить адмирала Колиньи.

– Убью непременно, – отвечал Гамильтон, – если только ваш адмирал осмелится точно так же оскорбить меня, как Меррей!

Елизавета оплакала убиенного своего клеврета и на его место правителем Шотландии назначила графа Леннокса, которого убили в 1571 году при осаде Стирлинга… Два года продолжались кровавые усобицы между приверженцами пленной Марии и ее сына. Беспощадная к первым, Елизавета приговорила к смертной казни герцога Норфолка и графа Нортумберленда (1572). Третий доброжелатель Марии, граф Уэстоморленд, был осужден на изгнание. Пользуясь всеобщим негодованием, возбужденным в Европе Варфоломеевской ночью, Елизавета распустила слух, будто в этих злодействах принимала тайное участие ее пленница, за которой присмотр был усилен. Опять несчастную Марию перевели в новую темницу, замок Шеффильд, где в самом жалком помещении ей дали одну только служанку и тревожили днем и ночью перекличками дозорных… Елизавета потешалась над страданиями Марии, она играла ею, как кошка пойманной птичкой. Все старания Фенелона, французского посланника, смягчить участь пленной королевы остались безуспешными; умилостивить Елизавету было так же трудно, как усовестить разъяренного каннибала. Дочь Генриха VIII и Анны Болейн доказывала всему свету несомненность своего происхождения от

этих двух чудовищ и бешенством своим возбудила презрение даже в Екатерине Медичи! Желая погасить в порядочных людях малейшую искру жалости к Марии, королева английская заказывала, печатала и распространяла множество пасквилей и самых гнусных памфлетов о своей пленнице. Между продажными борзописцами, не щадившими для ее бесславия ни желчи, ни грязи, особенно отличался наставник юного короля Якова, некто Бечанан (Buchanan), когда-то облагодетельствованный Марией Стюарт. Брошюры этого пасквильного автора были отосланы Елизаветой во Францию для надлежащего распространения, но здесь они по повелению Екатерины Медичи были сожжены. Раболепствовавший перед Елизаветой парламент предложил ей применить к Марии Стюарт указ об оскорблении величества (biLL of attainder), но королева английская великодушно отклонила это предложение… Понятен ли читателю иезуитизм этой женщины? Она желала от всей души гибели Марии Стюарт, денно и нощно мечтала о возведении ее на эшафот, но в то же время хотела остаться чистой и незапятнанной в глазах современников и потомства; хотела умертвить королеву шотландскую на законном основании. Отвращая от Марии людей чужих, ей сострадавших, Елизавета, поручив воспитание ее сына лорду Рутвену, Бечанану и другим, им подобным злодеям, сумела внушить Якову ненависть к матери, не менее той, какую питал к королеве шотландской Меррей.

До сих пор крепкое здоровье Марии от огорчений, частых разъездов и неудобств тюремного заключения наконец ослабло, и до такой степени, что она слегла. С той мыслью, что она уже на смертном одре, Мария (8 ноября 1582 года) написала к Елизавете письмо, в котором обстоятельно изложила ей все события своей жизни и представила все доводы, которые могли служить ей к оправданию. В это же время доктора, лечившие пленницу, испрашивали у Елизаветы разрешения их больной пользоваться водами Бокстона; к голосу врачей присоединились испанский и французский посланники. Их вмешательство показалось Елизавете подозрительным, и лорду Шрюсбюри она поручила не терять Марию из виду во все время ее пребывания на водах.

Самым великодушным из всех европейских государей оказался в это время король французский Генрих III, и посланник его Мовиссьер был особенно настойчивым в ходатайстве об облегчении участи шотландской королевы. Напоминаем читателю, что Мария была двоюродной сестрой Генриха Гиза, врага короля французского; лигёры колебали его трон, междоусобицы раздирали Францию, и при всем том Генрих III непритворно жалел пленницу Елизаветы и сделал для нее все, что

мог. Королева английская, письменно уверяя его в своем сострадании к Марии, уклоняясь от решительного ответа, продолжала издеваться над королевой шотландской. Доведенная до последней крайности, страдалица написала ей письмо, стоившее ей немало слез, так как в нем Мария торжественно отрекалась от престола в пользу своего сына, умоляя свою мучительницу единственно об освобождении и дозволении навеки удалиться во Францию… Это письмо осталось без ответа. Французскому посланнику было передано, что королева английская охотно согласилась бы на просьбу своей пленницы, но безопасность государства запрещает оказать ей милосердие, так как она мятежница. На тайном совете, созванном Елизаветой для решения участи королевы шотландской, граф Лейчестер предложил развязаться с Марией Стюарт при помощи яда. Это предложение доказывало, что семнадцать лет тому назад злодей с этой же самой целью сватался за королеву шотландскую. Гнусное предложение Лей-честера было, однако, отвергнуто государственным секретарем Уолсингэмом. Покуда шли эти переговоры, пленницу перевезли опять в Тюттбюри, где для ее жилища назначили две сырые низенькие каморки, в которых не согласился бы жить самый последний поденщик. Надзор был доверен сэру Эмиасу Паулету, в 1559 году бывшему посланником при французском дворе, где его видела Мария Стюарт, тогда юная новобрачная. С годами этот человек из ловкого царедворца превратился в угрюмого, брюзгливого нелюдима, неумолимого формалиста, бездушного автомата, соединившего, однако, в своей особе жестокосердие палача с благородной прямизной. Этот новый тюремщик Марии Стюарт под окнами ее темницы в одно прекрасное утро повесил католического священника за то, что тот назвал королеву шотландскую мученицей и пожалел о ней. Дважды в сутки, утром и вечером, Паулет навещал свою узницу, шарил в ее комнате по всем углам, осматривал стены, постель королевы, ее платья. Малейшая просьба пленницы была для Паулета вопросом государственным, решение которого он ни под каким видом не осмеливался взять на себя. Жалуясь на неудобства своей новой тюрьмы, Мария просила, между прочим, дать ей постель помягче; Паулет отказал ей и в этой безделице. Совещания Елизаветы с Уолсингэмом и Лейчестером окончились; тот и другой решили, что смерть Марии Стюарт – необходимость, и Паулету был прислан приказ умертвить пленницу. Старик отвечал, что он может быть тюремщиком, но не палачом. Лейчестер прислал нескольких подкупленных солдат для убийства пленницы; Паулет вытолкал их вон из своей комнаты при первых же словах о цели их посещения. Видя, что тайное

убийство невозможно, Уолсингэм решил ждать повода к законному приговору Марии Стюарт к смертной казни, в полной уверенности, что ждать не придется долго. Шпионы, рассеянные по городам Англии и Шотландии, прислушивались к народной молве и зорко следили за теми, которые осмеливались выражать свое сожаление об участи королевы шотландской. Некто богатый землевладелец графства Дерби, Антоний Бэбингтон, католик по вероисповеданию и ревностный приверженец Марии Стюарт, составил обширный заговор в ее пользу, имевший целью убийство Елизаветы и возведение на английский престол освобожденной из заточения королевы шотландской. Увлекшись этой мечтой или, вернее, химерой, Бэбингтон привлек к себе множество своих единоверцев, в особенности же из среды лиц духовного звания. В числе заговорщиков был священник Гиффорд, который, рассудив, что доносчик никогда ничего не потеряет, довел замыслы Бэбингтона до сведения Уолсингэма. Некоторые из заговорщиков, вовремя уведомленные, спаслись бегством; сам Бэбинг-тон с двенадцатью товарищами был схвачен, и все они после непродолжительного следствия были казнены. Со смертью их поспешили именно затем, чтобы отнять у Марии Стюарт возможность сослаться на их показания, так как ее обвинили в соучастии и организации этого заговора, о котором она имела понятие единственно по слухам. По повелению Елизаветы у пленницы были захвачены все бумаги, находившиеся при ней в темнице; секретарей ее, Кюрля и Ноу, арестовали, и судилище началось.

Мария, как и в первый раз, объявила членам следственной комиссии, что не признает над собой власти законов английских, что о заговоре Бэбингтона ничего не знает; что бумаги, по которым ее уличают, все до единой подложные; что, наконец, показания против нее обоих секретарей вынуждены у них невыносимыми пытками. Шатонёф, посланник Генриха II, взяв на себя защиту Марии Стюарт, добился аудиенции у Елизаветы. Королева выслушала его с глубочайшим вниманием, вполне согласилась со всеми его доводами в пользу своей жертвы; сказала, что искренне ей сочувствует, рада сделать все, что только возможно для ее спасения, и в заключение прокляла безжалостные законы своего государства. Шатонёф обратился к сыну Марии, укоряя его в равнодушии.

– А мне до нее какое дело? – отвечал Яков. – Пусть моя мать то и пьет, что для себя заварила!

Этот жалкий выродок был прав… Действительно, несчастная его мать испивала тогда чашу горестей, окончательно отравленную и переполненную его варварским ответом.

Воспитание, конечно, могло испортить сердце Якова, но надобно было и от природы иметь богатые задатки чудовищных пороков, чтобы выговорить о родной матери эти ядовитые слова. В ответ на них из-под сводов темницы несчастной мученицы глухо прозвучало проклятие.

Усердный Паулет при обыске в темнице отобрал у Марии все ее драгоценности и наличные деньги и последним лишил ее отрады подавать милостыню нищим, подходившим к ее окнам.

– Подите прочь! – крикнула им узница, когда они в первый раз после ее ограбления подошли к окну. – Мне нечего подать вам; теперь я сама такая же нищая, как вы!

25 сентября 1586 года по королевскому повелению Мария Стюарт была отвезена в замок Фортсрингэ в Нортсгемптоне. Здесь пленнице дозволили некоторые удобства; четырем ее фрейлинам и старому Мельвилю (бывшему посланнику английского двора) разрешено было находиться при ней. Вместе с тем, как бы для намека о готовившейся для нее участи, стены спальни Марии обили черным сукном, а пологу у кровати, тоже черному, придали вид надгробного балдахина. Узница настоятельно требовала, чтобы дело ее о соучастии в заговоре было рассмотрено в государственном совете. Требование отвергли, и разбирательство дела препоручили комиссии из двадцати лордов под председательством канцлера. Главными уликами были признаны письма королевы шотландской к Бэбингтону, почерк которых был действительно ее собственный или превосходно подведенный под ее руку… Но что же именно из двух? Это не решено. Мария Стюарт признала подделку за работу своих секретарей, которые, из желания добра ей же самой, писали без ее ведома к Бэбингтону. Ноу и Кюрль (под пытками, правда) утверждали, что письма были написаны собственной рукой королевы, что она имела непосредственные сношения с заговорщиками.

На этот раз самый ревностный защитник Марии Стюарт мог бы стать в тупик, особенно после оглядки на события всей ее предыдущей жизни. В каждом грязненьком или кровавом деле, в котором по всем признакам королева шотландская принимала участие, она при первом же слове обвинения спешила заявить о своей неприкосновенности к делу и совершенной невинности: она права и чиста, всегда и во всем.

Ее обвиняют в связях сначала с Данвиллем, потом с Шателаром, затем с Давидом Риццио. «Клевета, – отвечает Мария Стюарт на эти обвинения. – Данвилль был мне только друг; Шателар – безумец, которому я не подавала ни малейшего повода поступить со мной так нагло, что же касается до бедного Риццио,

он был моим секретарем и верным советником».

Муж Марии, Генрих Дэрнлей, с которым она была не в ладах, удавлен и взорван. Действия королевы, предшествовавшие катастрофе, весьма подозрительны. «Этому несчастному делу, – отвечает она, – я ни душой, ни телом не причастна!»

Через три месяца после смерти мужа она выходит за Босу-эла, одного из его убийц. В ответ на всеобщее негодование она стонет, заливаясь слезами: «Это насилие!»

В замке Локлевен Мария подписывает акт об отречении от престола в пользу своего сына и через некоторое время на требования Елизаветы подтвердить его права она говорит: «Была и пребуду королевой шотландской!»

Наконец, ей предъявляют письма, ее рукой написанные к заговорщику Бэбингтону. «Знать не знаю, ведать не ведаю, – показывает Мария при допросах, – письма поддельные».

Если весь ряд этих обвинений – клевета, напраслина, насилие, ложь, подлог, тогда королева шотландская просто праведница, жертва какой-то таинственной судьбы; если же обвинения справедливы – Мария Стюарт преступница, подобных которой мало отыщется в истории, и тогда эшафот был самым законным возмездием ей за все злодейства…

Не потому ли она кажется нам ангелом, что соперница ее Елизавета так похожа на демона?

В последние месяцы 1586 года Шатонёф и Белльевр, нарочный посол Генриха III, неутомимо хлопотали об освобождении Марии Стюарт и едва могли добиться аудиенции у королевы английской. В течение шести недель, со дня на день, Елизавета отклонялась от личных объяснений. Сначала она сослалась на опасение заразы, так как Белльевр прибыл с континента, на котором тогда свирепствовали повальные болезни; потом королева выразила боязнь, нет ли в свите посланника наемных убийц; наконец, после всех уверток и уловок она приняла Белльевра. Эту аудиенцию можно назвать смешной эпизодической сценой в кровавой трагедии. Объясняясь с послом, Елизавета говорила на каком-то смешанном языке – то по-латыни, то по-французски; на ее лице явно отпечатлевались все волновавшие ее чувства. После бледности она вдруг покрывалась пятнами или ярким румянцем, составлявшим как бы отлив рыжих волос дочери Генриха VIII; ястребиные ее глаза попеременно щурились с выражением томной неги или, воспаленные зверской яростью, выходили из орбит… Говорила она разными голосами: то громовым мужским басом, то звонким сопрано, переходя от гневного крика к вкрадчивому шепоту. Наговорила Елизавета французскому посланнику очень много, но все-таки ничего

положительного ему не сказала. На другой же день в Лондоне разнеслась весть о том, что Мария Стюарт, бывшая королева шотландская, приговорена парламентом к смертной казни. На это радостное известие весь город отозвался праздничным колокольным звоном, а к вечеру озарился иллюминациями по распоряжению полиции и тайных агентов Елизаветы; она же сама в эти минуты называла членов палаты варварами, выказывая негодование на бесчеловечный их приговор…

– Это ангел, а не женщина! – пел умиленный хор придворных. – Ее ли не оскорбляла Мария Стюарт, умышлявшая на ее корону и жизнь, и она же, кроткая, незлобивая, сожалеет о злодейке?

Слухи о приговоре дошли до Марии, и она написала Елизавете последнее письмо, в котором просила оказать ей только две милости: в случае казни дать ей католического духовника, а после смерти отослать ее тело для погребения во Францию. Елизавета, говорят, прослезилась, читая письмо, но не дала на него никакого ответа. Может быть, она еще думала помиловать Марию или, того вернее, хотела ее помучить ожиданием. Белльевр почти насильно проник во дворец, просил, умолял, грозился, напоминал, что казнь Марии может послужить поводом к войне между Францией и Англией… Последняя угроза рассмешила королеву, так как в то время Генрих III сам не имел возможности у себя дома сладить с Лигой. «Не наживайте себе еще новых врагов, – писала ему Елизавета, – и, не мешаясь в дела чужого королевства, подумайте лучше о своем собственном и послушайтесь доброго совета: не ослабляйте поводьев, если не желаете, чтобы мятеж, как бешеный конь, вышиб вас из седла!» Желая отомстить французским посланникам за их докучливость, Елизавета расставила им западню, в которую, однако же, они не попались. Лорд Стаффорд по секретному ее повелению освободил из тюрьмы содержавшегося там преступника и подучил его, явясь к Белльевру, выдать себя за приверженца Марии Стюарт, и предложить ему тайно убить Елизавету. Гнусное предложение подосланного было отвергнуто с негодованием, и сам посланник довел о том до сведения королевы. Раскинутая ему сеть порвалась, как легкая паутина…

Без утверждения (warrant) королевы приговор парламента не мог быть приведен в исполнение; Елизавете же непременно было желательно свалить юридическое убийство Марии Стюарт на других. Опять она ухватилась за мысль, нет ли какой возможности тайным убийством предупредить явное, и с этой целью поручила секретарю своему Дэвисону переговорить с упрямым Паулетом. На этот раз, как и в предыдущий, тюремщик

отказался наотрез быть убийцей, прибавив, что ни за какие блага в мире не решится на дело, противное совести.

– Как, однако, этот старый дурак надоел мне со своей совестью! – сказала Елизавета, когда Дэвисон передал ей ответ Паулета.

Твердой, бестрепетной рукой она подписала смертный приговор Марии Стюарт, покуда еще все недействительный без приложения государственной печати. Подправив кое-где буквы подписи и прибавив лишний штрих к росчерку, Елизавета, покусывая перо, устремила свой пронзительный взгляд на Дэвисона с торжествующей улыбкой.

– Кончено, – сказала она, – и как гора с плеч долой! Снеси приговор Уолсингэму, пусть приложит печать…

Дэвисон, взяв роковую бумагу, пошел к выходу, королева, смеясь, его остановила.

– Знаешь, что я думаю? – сказала она. – Старик Уолсин-гэм болен; что, как, увидя приговор, он умрет с горя? Ты, пожалуйста, приготовь его к этому страшному известию.

Чтобы читателю понятна была вся соль этой милой шутки, мы должны сказать, что канцлер Уолсингэм был заклятым врагом Марии Стюарт.

Часу в десятом вечера, когда Мария готовилась лечь в постель, прислужницы доложили ей о приходе графа Кента и королевских комиссаров. Одевшись наскоро, узница вышла к ним.

– Приговор ваш утвержден, – объявил ей граф Кент самым спокойным голосом. – Завтра он будет исполнен. Приготовьтесь к смерти.

– Слава Богу! – воскликнула Мария с неподдельной радостью. – Наконец-то я буду спокойна и вполне счастлива.

– Можете утешаться и той мыслью, – заметил граф Кент, – что ваша смерть послужит залогом спокойствия двух государств и водворения истинной религии в Великобритании!

– Да, мысль утешительная, – в раздумье повторила Мария. – Не как преступница, но как мученица сложу я мою голову на плаху за веру моих отцов.

Комиссары, сопровождаемые Паулетом, удалились, и едва замкнулась за ними дверь, как страшные рыдания огласили комнату Марии. Бывшие при ней прислужницы, ее фрейлины, *четыре Марии,* упав к ее ногам, покрывали их слезами и поцелуями.

– О чем вы плачете? – твердо произнесла Мария. – Радуйтесь со мной вместе окончанию моих страданий здесь и началу бесконечного блаженства *там.*

Она удалилась в свою молельню, где провела два часа и

откуда вышла видимо усталая и ослабевшая. «При слабости тела, когда оно удручено, – заметила она присутствовавшим, – ослабевает и дух. Бессонница может окончательно изнурить меня, отдых необходим; но прежде дайте мне чего-нибудь закусить!»

Узнице подали немного жаркого, приправленного вином, и, покушав с обычным аппетитом, она легла на постель и погрузилась в непродолжительный, но крепкий сон, во все продолжение которого ее приближенные молились, заглушая рыдания, чтобы ими не потревожить *последнего* сна их королевы. Зимняя ночь долга; она кажется еще длиннее во время бессонницы беспричинной или насильственной у одра больного… Между тем подруги Марии молили Бога о продлении ночи, вопреки законам природы, друзей королевы ужасала мысль, что с каждой секундой она теперь, покуда еще полная жизни, приближается к гробу, в который будет положена не сраженная недугом по воле Божией, но обезглавленная, убитая по злобе людской, по прихоти женской.

Немедленно по своем пробуждении Мария написала письма к Генриху III и к недостойному своему сыну. В первом она, благодаря короля за его защиту и участие, просила его не оставить своими милостями ее верных друзей и прислужниц, разделявших с нею заточение. Окончив письма, Мария занялась приготовлением одежды и уборов для утра, приказала достать из шкафа черное бархатное платье, длинный белый вуаль и головную гребенку в виде короны. Она осматривала все эти вещи с таким спокойствием, как будто дело шло о поездке во дворец, на праздник.

Ночное небо из непроглядно-темного заметно становилось серым; холодное, пасмурное утро 18 февраля 1587 года безжалостно заглянуло в окна темницы, которой было суждено через два часа опустеть, как клетке, из которой птичка упорхнула на волю, или, лучше сказать, истерзана кошкой. Мария Стюарт в это время взяла со своих тезок клятву, что они немедленно после ее казни уедут во Францию.

– Там поплачут обо мне, – сказала она слегка изменившимся голосом, – поплачут, когда душа моя будет уже блаженствовать!

В молельне королевы на аналое стояло распятие слоновой кости, лежали ее четки, молитвенник и священная облата (hostia), присланная Марии папой Пием V несколько лет тому назад, которую она сохраняла именно для смертного своего часа. Мысленно исповедуя свои грехи пред изображением распятого Спасителя, Мария приобщилась этой облатой святых его тайн…

В самую эту великую минуту стук в дверь и скрежет отодвигаемых засовов возвестили присутствовавшим о приходе

новых посетителей, на этот раз за жертвой, обреченной на плаху. Фрейлины и прислужницы Марии растерялись и упали духом до такой степени, что не могли решиться впустить стучавшихся у дверей комиссаров;[7] Мария отворила им сама. На этот раз комиссаров было более, нежели несколько часов тому назад. Кроме Паулета и графа Кента между ними был англиканский пастор Флетчер.

– Могут ли мои фрейлины и прислужницы сопровождать меня *до*…– Она приостановилась. – Туда, куда вы меня поведете? – спросила Мария графа Кента.

– Я бы не советовал вам брать их с собой, – отвечал тот. – Их слезы и стенания расстроят вас.

– Даю вам слово за добрых подруг моих, что они не будут плакать и, искренне жалея меня, не захотят меня расстраивать.

– С этим условием пускай идут!

– Благодарю вас за себя и за них, – ласково сказала Мария. – Теперь позвольте мне собраться…

Она взяла распятие и молитвенник. Граф Кент с ядовитой усмешкой произнес при этом:

– Идолопоклонница!

Ответив ему величественным взглядом и вытянувшись во весь рост, Мария почти грозно сказала:

– Прошу не забывать, граф, что вы говорите с бывшей королевой Франции и Шотландии, внучкой вашего короля Генриха VII и двоюродной сестрой королевы Елизаветы. Где католический духовник, о котором я просила?

– Вы можете обойтись без него, – отозвался Кент.

– Я здесь, – вмешался Флетчер. – Мои молитвы могут точно так же…

Мария даже не взглянула на него и сама сделала первый шаг к выходу. Шествие тронулось; за королевой следовали комиссары и Паулет, а за ними уже фрейлины и прислужницы. Было тут еще одно живое существо, тщетно порывавшееся за королевой, – существо, в котором чувств и жалости было несравненно более, нежели в Елизавете, ее комиссарах и во всех именитых членах парламента… То была комнатная собачка Марии Стюарт, оставленная за дверьми каземата. Ее жалобный лай и вой несколько времени провожали Марию, покуда она по коридору не дошла до спуска с лестницы, ведшей в нижний этаж темницы. На площадке, истерически рыдая и ломая руки, стоял дряхлый старик Андре Мельвиль. Не имея сил выговорить слова, он почти без памяти опустился на колени перед королевой.

– И ты здесь, мой старый друг? – сказала она, силясь поднять его. – Рада тебя видеть и попрошу сослужить последнюю службу.

Подай мне свою руку и помоги спуститься с лестницы.[8]

Поддерживаемая Мельвилем, Мария Стюарт вошла в обширную, на сводах, залу, в которую набралось человек около трехсот зрителей, представителей народа. Эшафот был обтянут черным сукном; на эшафоте стояли кресла и бархатная скамья, в двух шагах от них возвышалась плаха с лежащим на ней топором, при виде которого невольная дрожь пробежала по членам Марии.

– Напрасно, напрасно! – покачав головой, сказала она своим спутницам. – Было бы гораздо лучше рубить голову мечом, как во Франции…

Фрейлины и прислужницы зарыдали, но королева, приложив палец к устам, прошептала им:

– А данное мною за вас слово? Умейте владеть собой до времени. После – можно!

Флетчер, подошедший к ней, начал ее уговаривать отступиться от католицизма, от имени королевы обещая за это помилование… «Напрасная трата слов, – перебила его Мария, – я родилась, выросла и умру верной католической церкви!» Сказав это, она опустилась на колени и горячо стала молиться. По окончании молитвы к ней подошел палач со своими помощниками и предложил помочь ей раздеться.

– Благодарю за предложение услуг, – сказала им королева, – но я, во-первых, не намерена обнажаться при таком множестве зрителей, а во-вторых, мне помогут мои женщины.

С их помощью она отстегнула высокий лиф платья и обнажила шею и плечи; потом сама завязала себе глаза нарочно для этого приготовленным платком, отшпилила вуаль, подобрала волосы, не снимая гребенки, и села на кресла. Палач, без шума сняв топор с плахи, взвалил его себе на плечо. Медленно опустилась Мария Стюарт на скамью и, положив голову на плаху, произнесла пресекающимся замирающим голосом:

– In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum! (Господи, в руки твои предаю дух мой!)

Этих слов не слыхали ее верные подруги, которые, закрыв глаза и зажав уши, отбежали в угол залы; но до слуха их долетел *первый* удар топора и раздирающий душу вопль Марии. Вместо того чтобы направить удар по шее, неловкий палач опустил топор на затылочную часть головы, причем удар был ослаблен косой и гребенкой… Только после двух следующих ударов голова королевы шотландской скатилась на помост.

– Так да погибнут все враги ее величества королевы Елизаветы! – крикнул граф Кент, ожидая от присутствовавших в ответ оглушительного «виват!», но присутствовавшие молчали, и только Флетчер отозвался монотонно:

– Аминь!

Продолжая морочить честных людей своим притворным милосердием и поддельным великодушием, Елизавета в самый день казни послала нарочного с приказом помедлить с исполнением приговора. Посланный, разумеется, опоздал, а когда королева английская по его возвращении в Лондон узнала о совершении казни, она с неподражаемым искусством притворилась удивленной и огорченной.

– Разве я приказывала вам казнить Марию Стюарт?! – накинулась она на Дэвисона.

Он напомнил королеве о собственноручной ее подписи приговора.

– Я это знаю, – отвечала Елизавета, – но разве я приказывала вам немедленно приложить государственную печать и скрепить мою подпись без моего ведома? Помните же, – продолжала она грозно, – что вы оба, вы и Уолсингэм, виноваты в смерти Марии, а я в этом кровавом деле чиста и невинна, хотя по вашей милости стала теперь тиранкою в глазах всей Европы!..

И, как бы желая доказать свое сожаление об убиенной ею Марии Стюарт, английская королева облачилась в траур и в течение нескольких дней сказывалась больной. Дэвисон был удален от двора.

Катерина Медичи и Генрих III в своих злодействах были откровеннее: они не надевали траура ни по адмиралу Колиньи, ни по братьям Гизам. Можно сказать, что Елизавета *перещеголяла* их своим траурным нарядом.

Труп казненной Марии Стюарт, покрытый лоскутом сукна, содранным со старого бильярда, перенесенный с эшафота в зале нижнего этажа замка Фортсрингэ в особую комнату, невзирая на все просьбы приближенных покойной королевы, отдан им не был. Брантум, игривое воображение которого не щадило ни живых, ни мертвых, говорит в своих записках, будто мертвое тело Марии Стюарт, отданное во власть палачу, подверглось самому гнусному поруганию. Это бесстыдная ложь бесстыдного любителя скандалов; ничего подобного не было! Труп Марии был набальзамирован доктором и двумя хирургами, призванными из Стамфорда, потом, обложенный ароматными смолами и душистыми травами, в свинцовом гробу был перевезен в Питерборо и поставлен в тамошней католической капелле, напротив гробницы королевы Екатерины Арагонской. Приличные украшения, гербы и надписи означали место упокоения последней королевы шотландской. Все они были уничтожены во время мятежа пресвитериан в 1649 году; но тело Марии Стюарт,

еще за тридцать семь лет перед этим (1612), по повелению короля Якова I из капеллы Питерборо было перенесено в Вестминстерское аббатство.

Скорбь осиротевших фрейлин, прислужниц и всех приближенных Марии была невыразима; она свела в могилу Сару Левистон-Флеминг и мужа Марии Ламбрюн (Lambrun). Последняя через несколько дней после смерти мужа, обезумев от горя, покусилась на убиение Елизаветы, но, схваченная, была ею помилована и избавлена от всякого преследования. Справедливость требует упомянуть о собачке Марии Стюарт, не отходившей от ее гроба до самого отвоза тела в Питерборо и после того вскоре околевшей от тоски. Сделав заметку об этой четвероногой безгрешной фаворитке последней королевы шотландской, мы прибавим, что подобного примера бескорыстной привязанности читатель не отыщет ни в одном из последующих биографических очерков двуногих фавориток и небессловесных временщиков.

notes

Примечания

1

Прости, прелестная страна, О Франция родная, Отчизна дорогая, Где отцвела моя весна… Прости!.. Ото всего, что было сердцу мило, От искренней любви, от дорогих друзей Безжалостно меня отторгнуло ветрило, И мне уж не видать счастливых, ясных дней! Но я не всю тебя, отчизна, покидаю; Корабль меня с тобой вполне не разлучит: Часть сердца моего он в дальний край умчит – Другую я тебе на память оставляю! Прилагая при этом прелестном, грациозном подлиннике наш слабый, бесцветный перевод, просим читателя простить великодушно, так как признание в вине по самому строгому закону смягчает наказание.

2

Король наваррский Антуан Бурбон, муж Жанны д'Альбре и отец Генриха IV. См. выше: Е к а т е р и н а М е д и ч и, К а р л IX.

3

Существует предание, многими оспариваемое, будто Риццио, избалованный милостями и снисходительностью Марии Стюарт, в обхождении с нею позволял себе неприличную фамильярность. Так, говорят, будто однажды, когда она читала вслух письмо, только что полученное от елизаветы, Риццио, досадуя на его содержание, вырвал письмо из рук королевы и, смяв его, бросил на пол. если этого не было, оно легко могло быть.

4

Врачи-специалисты объявили елизавете, что вследствие врожденного не– достатка она никогда не будет иметь детей, и это было главной причиной ее отвращения от супружества.

5

В третьем акте трагедии «Мария Стюарт» (выход шестой) вымышленный герой, страстный Мортимер, открываясь в любви королеве, говорит ей: Nicht kalter Strenge klagt die Welt dich an; Dich kann die heisse Liebesbitte ruhren, Du hast den Sanger Rizzio begluckt, Und jener Bothwell durfte dich entfuhren! – то есть «Свет не укоряет тебя в строгости, и ты способна тронуться мольбами любви! Ты осчастливила певца Риццио, а Босуэл осмелился похитить тебя!.. Он был твой тиран, – продолжает Мортимер, – и ты трепетала перед ним, потому что ты его любила!»

6

Мы не без основания не включили в наш сборник биографию этой фаворитки короля шотландского по причине незначительности ее роли, так как Маргари– та Ирскин принадлежала к разряду продажных камелий, связь с которыми – мимолетная прихоть. Таковыми у Генриха IV были Фаннюш, Ла Гланде и т. п.

7

Двери темницы, запертые снаружи, обыкновенно замыкались и изнутри. Та– ким образом, стук в дверь заменял доклад, и Мария была постоянно застрахована от внезапного посещения.

8

За несколько дней перед казнью Мария Стюарт нечаянно вывихнула ногу, и ей трудно было сходить с лестницы. Так говорят ее ревностные защитники, не же– лая допустить мысли, чтобы у нее, идущей на казнь, могли подгибаться колени. Зачем лишние прикрасы и без того редкостного умения владеть собой?